

Алексей
Покотилов

Утро даров
Поэзия, проза

Алексей Васильевич Покотиллов

Утро даров. Поэзия, проза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74322746

Утро даров:

ISBN 978-5-00269-626-0

Аннотация

Известный автор Алексей Покотиллов представляет вдумчивому читателю свою десятую книгу с поэтическим названием «Утро даров».

Содержание

«Рассыпается солнечный вихрь...»	5
«Протяжный голос тонущего леса...»	7
«Соборно жить, подобно снегу...»	8
«Москва...»	10
«Во что поверишь ты, в кого...»	11
«Моими книжками растопишь печь...»	12
«Ожидаю, когда призовёшь...»	13
«Я себя от тебя берегу...»	14
«Откинув занавес зимы...»	15
«Гармонию вдыхай, сливайся с ней...»	16
«Зимней весной и весенней зимой...»	18
«Не затихает хищный шорох...»	20
«Неповторимо, значит – никогда...»	22
«Скорей бы ночь иссякла, испарилась...»	24
«Забвение, забудь про нас...»	26
«Размажем сопли по стеклу...»	27
«Не могу надышаться тобой...»	28
«Половина страны на войне...»	29
Григорий Петрович	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Алексей Васильевич
Покотилов
Утро даров

© Покотилов А.В., 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

«Рассыпается солнечный вихрь...»

Рассыпается солнечный вихрь
На осколки таящихся луж,
Прежде серых, теперь голубых,
Стекленя в преддверии стуж.

В стылых пальцах иголки снуют,
Растворяясь в горячей воде —
Торжествует звенящий уют
В залетевшей от солнца слюде.

Долго жить нам ещё этим сном:
Утро – вечный, нetaющий миг;
Эта истина дружит с вином,
С терпким запахом выцветших книг,

С похищением знаний земли
И утратой при первых словах;
Нам бессонницы вновь наплели
О бесправии в наших правах.

Но инстинкт отдыхает, молчит,
Звон подвесив на длинных лучах,
Превращая лучи в калачи
Обещаний в зазывных речах.

Чуть огня и вскипает вулкан
Ароматом кофейных паров.
Ненадолго мирок этот дан —
Завершается утро даров.

Солнце выше, уже не вихрит,
Наблюдает за всем свысока,
Созывает погодный синклит,
Поднимая дымок в облака

Для наместничества на Земле,
Умножая разлёты тепла
На Земле – на громадной юле,
Раскалённой внутри до бела,

Что кружится, и тащит в миры —
В неизвестность безжалостных встреч;
Эти страхи настолько стары,
Как стара их межзвёздная речь.

До утра, доживём до утра
Под немислимом выплеском звёзд
И не важно, какая пора,
И на ветке вчерашний ли дрозд.

«Протяжный голос тонущего леса...»

Протяжный голос тонущего леса
Летит, перелетая половодье;
Его подхватывает птичья пресса
Как новость, повторённую в природе,
Где каждый лист, слетев, подобен лодке.
Под всхлипы тонущего леса,
Вся птичья пресса – это месса,
Рождённая сердечком в птичьей глотке.
Больше недельки, меньше месячишка
Земля просохнет, шевеля корнями
И побежит ближайший городишко
Усердно за грибными трудоднями,
Где каждый лист, слетев, подобен дару
Засохшему, готовому к пожару:
Протяжный голос, вспыхнувшего леса,
Взлетит над расползающимся дымом,
Его опять подхватит птичья пресса
Про новость, повторённую нарывом
Торфяников – подземной сковородки
И птичья пресса – будет месса,
Рождённая сердечком в птичье глотке.

«Соборно жить, подобно снегу...»

Соборно жить, подобно снегу,
Собой полнящему ручей,
Питая мяту и галегу,
Как самый щедрый казначей —
Запрограммировано звёздно,
Где не бывает слова «поздно» —
Дано и нам, и тараканам,
Всему, прижатому геномом
К воде и воздуху, и странам,
Кому планета мнится домом.
Наш дом и травный, и ручейный —
Исконно женский полигон.
Мужчина, как всегда – ничейный,
Свободы ветра эпигон,
Завоеватель и спаситель,
И сопричастник – со-родитель.
А женщина – внутри и рядом,
Во всём всегда растворена —
Так начинаясь виноградом,
Свет переходит в цвет вина,
Вино по венам снова к свету —
За жизнь за ту, за жизнь за эту.
Снег розоватый – снег закатный,
Подобен утренним цветам

И каждый миг – миг невозвратный
По нашим следует следам.

«Москва...»

Москва.

Зима.

Ещё не полдень.

Жужжит на крышах снеговой.

Декабрь брожением наполнен,

Декабрь блестит из-под бровей.

Не виден Кремль в морозной рани,

Храм выступает сквозь пургу,

Прохожий шапкой снег таранит,

Бормочет что-то на бегу.

Гул рассыпая по брусчатке,

Куранты завершают бой

И я, едва надев перчатки,

Мчусь за несбыточной тобой,

Таящейся в минувшем снеге;

Минувшим зябким декабрём.

Зима – в зверьё влюблённый егерь,

Меня назначила зверьём.

И охраняет и отстрелит,

Когда изверюсь и пойму,

Что нет тебя в декабрьском теле

И мне не выжить одному.

«Во что поверишь ты, в кого...»

Во что поверишь ты, в кого,
Когда склонившийся над кладом,
Ты, вдруг, от друга своего,
Схлопочешь по уху прикладом
И он из стойла уведёт
Твою жену, твою квартиру —
Тебе ж останется проход
В ночи к больничному сортиру.
Врагов прощают дураки —
Враги должны стать чернозёмом,
Мир – это гнев и кулаки,
И стены собственного дома.
Ты выздоровей, никому
Не отдавай на аутсорсинг
Мсть за себя – иди в тюрьму,
А клад заныкай у трёх сосен —
Не заблудись!

«Моими книжками растопишь печь...»

Моими книжками растопишь печь,
Согреешься, сожжёшь без вздоха:
Не стоит больше их беречь —
Дают тепло и то – неплохо.
Краснеет исчезающий курсив —
Им больно, привыкают к боли,
Со мной прощаются, простив
За боль от огненной неволи.
И не мечтай их вырвать из огня —
Они сгорят, как мы сгорели:
Так ствол, запиленный до пня,
Сжигают солнце и метели.
Всё в нас распалось до простой золы,
Вот-вот совсем исчезнет даже.
Лишь книг словесные узлы
Спасают прошлое от кражи.
Моими книжками не разжигай
Ни печь, ни сердце, ни надежды.
Пусть поживут и улетят в тот край,
Где ждут нас белые одежды.

«Ожидаю, когда призовёшь...»

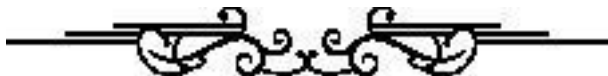
Ожидаю, когда призовёшь
Мои стопы пред светлые очи,
Чтоб внимал несусветную ложь,
Очень веря, как будто бы – очень.
Провернулась, расплющилась жизнь,
Растеклась по ужимкам, гримасам,
Словно просит: «Ты – будь, не кажись,
Не мечись по парковкам и кассам!»
Есть у дат красноватость числа,
В суете беспощадно звенящей,
Но судьбу краснота не учла —
Вот глаза в календарь и таращим.
Так сними, ну хотя б на денёк,
Все браслеты, кольцо и серёжки —
Мы увидим сверчка огонёк
В потемневшем зелёном окошке;
Мы почувствуем свой календарь
В шелестящих и радостных цифрах
И любая ползущая тварь
Будет родственна лиственным рифмам.

«Я себя от тебя берегу...»

Я себя от тебя берегу,
Отчего, отчего, отчего же,
Если вся ты – на том берегу,
Если нечего нам с тобой множить.
Нашумела во мне не грозой,
Нашумела живительным ливнем...
Я по лету иду за росой
По холстам зеленающихся линий
И тону в предрассветных парах,
Тороплюсь, вот уже у обрыва —
Расправляются руки на взмах,
В ожидании ветра порыва
Для полёта на берег – на тот,
Чтоб пойти за твоими ступнями —
Завершить невозможный полёт
Над пропавшими давними нами.
Я тебя от себя сберегу,
До морозца сквозь сердце – на коже.
Оставайся на том берегу,
Если нечего нам с тобой множить.

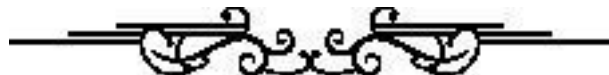
«Откинув занавес зимы...»

Откинув занавес зимы,
Возможно заглянуть туда
Где млеет талая вода,
Готовясь просочиться в почву,
Живым неся живую почву
О крахе ледяной тюрьмы.
Нова свобода, хороша
От ожидания страстей
И женщин, и шальных гостей —
До первой желтизны осенней,
До первых снежных потрясений:
Зима вползает, всё круша.
Зима, ты чёрттов коматоз,
Скорей бы чёрт тебя унёс!

«Гармонию вдыхай, сливайся с ней...»

Гармонию вдыхай, сливайся с ней
И будешь светел до последних дней
В созвучии делённых нот
На новозвучные фрагменты —
Тогда душа отправится в полёт,
Вселенной принимая комплименты.
А если глух душой, не слышишь тон,
Приникни к камню – камень камертон,
Приникни к дереву, постой,
Кора – вселенский усилитель,
Настроит слух, наполнит густотой
Звучащую вселенскую обитель.
Часы планетные, за годом год,
Предупреждают, чтоб я не был горд
Белёсостью прижившихся усов,
Что неизбежна мерная бесспорность,
Безжалостно вселяющих часов
В живое – смертную покорность.
Вода продолжит сбор фиоритур,
Для будущих всемирных партитур.

«Зимней весной и весенней зимой...»

Зимней весной и весенней зимой,
Летом осенним и осенью летней.
Носится ветер, с погодной сумой,
Над вековой птичьей песенной сплетней.
Ты мне звони,

ты звони мне,
звони,

С каждым рассветом,
да без передышки;
День ото дня это – годы, не дни,
Ты – не девчонка и я – не мальчишка.
Нам, как всегда, есть о чём помолчать,
Долго, подробно, почти выгорая.
Встреча запретна – мы только лишь часть
Всех голосов из пропавшего края;
Встреча запретна, мы знаем о том,
В новом, не нами размеченном быте —
Нами закрыт перечитанный том,
Нами давно пережитых событий.
Нет, не звони, я всё дольше – немой,
С каждым звонком это стало заметней
Зимней весной и весенней зимой,
Летом осенним и осенью летней.

«Не затихает хищный шорох...»

Не затихает хищный шорох
Ползущей ночи по ногам —
Подарок пойменным лугам.
А тем, кто дорог и не дорог
Лучам разбросанного сена,
Преподнесёт ночная сцена
Костёр погасшего сюжета,
В изломах тающего света.

Едва-едва зашевелится,
Притихнет в травной пелене,
В тревожно-осторожном сне,
Почти разбуженная птица
Порывом ветра — дальним вздохом,
Готовым стать переполохом,
Вторжение внушая листьям
И прочим дальним закулисьям.

В низине, крепость сеновала —
Призвав к страстям, потом ко сну,
Под утро, растерев Луну,
Сама себе салютовала —
И ослепляла через щели,
Лучей перенося качели,

Чтобы росы впитала капля
Всех соучастников спектакля.

Приподними подол повыше —
Оставь цветам рассветный флёр,
Ты слышишь, прилетел суфлёр —
Бубнит, хотя и так все слышат
И знают без запинки роли
Тысячелетия юдоли —
Тысячелетней шумной драмы
Тысячелетней панорамы.

«Неповторимо, значит – никогда...»

Неповторимо, значит – никогда
Не повторится, не произойдёт.
Так непокорная сейчас вода
Состарится, переродится в лёд,
Чтобы вернуться, но другой водой —
Всегда спешащей, шумной, молодой,
Когда-то жившей, нынче не живущей
И подчинившейся потом векам,
Взлетевшей паром из болотной гущи,
Навстречу своим предкам – облакам,
Чтоб не вернуться в прежнее своё
Как встарь произносили – бытиё.

Неповторимо, значит – ни за что
Не повторится, превратится в дым,
Спрессуется в копчёное плато
Затопчется пока ещё – живым;
Чем ближе смерть подкатывает к нам,
Тем страх настойчивей толкает в Храм
От инквизиций, до кострищ сегодня —
Здесь, на Земле, вручённой нам, без mzды,
Которая и станет преисподней,
В период ледниковый без воды.

А мы всё бредим Царствием для душ,
Искусством обрамляя эту чушь.

Неповторимо, значит – нет пути
Назад, что даже путь уже забыт
И как теориями не мути,
И суетой не нагружая быт,
Сиюминутность – постулат-ответ,
Что только прошлое приносит свет
Отживших звёзд – из глубины Вселенной,
Ошеломляя ясной простотой
Нетленность истины природы тленной
О вечности – предметности пустой,
Которая собой являет мир,
Где человек и одинок, и сир,
Уверенный, что знает много
О вездесущей жизни Бога.

«Скорей бы ночь иссякла, испарилась...»

Скорей бы ночь иссякла, испарилась,
Привиденное рухнуло внахлѣст
И темнота, выдавливая милость,
Последней тени утащила хвост.
Избавлюсь от прислушиваний к тик
Стареющих, но бодреньких часов,
В сердцах взывая к солнечному блику —
Сжечь тягостную киноленту снов
Дотла, до пепла и развеять пепел,
Иную встраивая в утро суть,
Где – крови жаждущий над стадом слепень,
Где – стадо жаждущее отдохнуть
От неизбежных жалящих налѣтов,
Им уготованным в горячие часы;
Потом – туда, опушкой с поворотом,
К уложенному в вечер на весы
Теней со светом, встроенных друг в друга,
На долгожданный, сладкий водопой,
Со вкусом пережёванного луга,
С нависшей успокоить тело тьмой.
В меня мой сон выплѣскивает явью,
Захватывает, вертит, носит, лжѣт,
Он – гимн разлившемуся разнотравью,

Где я, непробуждённый идиот,
Всё жду, чтоб ночь иссякла, испарилась,
Привиденное рухнуло внахлёст
И темнота, выдавливая милость,
Последней тени утащила хвост.

«Забвение, забудь про нас...»

Забвение, забудь про нас —
Сундук свой отодвинь бездонный,
Оставь реки мерцающий атлас
И долгий-долгий луг зелёный,
И ноги – утренне босые,
Их тени – утренне косые.

Забвение, про нас – забудь,
Оставь нам долгие прогулки
Пусть не сейчас, когда-нибудь,
В места олив и гротов гулких,
Где жизнь живого – антреприза
В шумах живительного бриза,

Забвение, забудь нас, про
Нашу просьбу расшуми ветрами,
Гоняющих орлиное перо,
Зависшее над замершими нами,
Зоя не упустить из вида
Себя – ниспосланного гида.

«Размажем сопли по стеклу...»

Размажем сопли по стеклу
И выжжем прямодушным гневом
Всю чернокнижную хулу
На нас несущуюся мемом,
Всегда безликим в соцсетях,
Сморкающимся мимоходом
Под пляску на чужих костях,
Провозгласив себя народом.
Кто прав – узнается потом,
После свистящих перепалок —
На повороте, на крутом,
Нас догоняющих мигалок.
Растёт и множится всегда,
В нас праведная справедливость,
Когда грозит одна беда,
Когда вокруг всё заискрилось.
Живёт, живёт социализм
Особой верой – верой в веру:
Необходимый катаклизм
Возносит нас из эры в эру.

«Не могу надышаться тобой...»

Не могу надышаться тобой,
Задыхаюсь от странного страха,
Что казнён будет цвет голубой,
Что ночная готовится плаха —
Мир цветной станет бледен и сер,
Но в глазах твоих близких, кошачьих,
Вековечные сполохи сфер
Ожиданий внебрачных и брачных —
Выжигают мой страх, веселясь
Над моей слепотой заблуждений.
Наша связь – объяснимая вязь
Неуёмности чувственных бдений.
Не рассказывай мне никогда
О своей приключенческой прыти
Не со мной,

 для меня ты – вода
Новизны повторённых событий.

«Половина страны на войне...»

Половина страны на войне,
Половина восторженно пляшет.
Но страну, уже в этой стране,
Доведётся опять делать нашей
Вновь тому, кто был верным всегда
Той земле, где лежат его предки.
Вифлеемская наша звезда,
Укажи, чьи мы листья и ветки;
Сохрани наши души от тех,
Кто давно нам чужие, но рядом;
Укрепи нас на пепельный снег,
Очищающий землю зарядом;
Шум лесов обновлённых и трав
Возврати к голосам первородным,
Где в доспехах божественных прав
Будет жизнь по законам природным:
Всё сначала – к началу начал,
К чистоте поновлённой и близкой,
Чтобы зверь в нас уже не рычал —
Не тащил за наполненной миской.
Половина страны – без войны,
А другая воюет за эту.
Зреет будущее у страны
Только той, что живёт по Завету.

Григорий Петрович

рассказ

*«Если Вы, проснувшись утром, почувствовали,
что у вас ничего не болит, значит, одно из двух:
либо вы уже умерли, либо вы еще не проснулись».*

Григорий Горин

Григорий Петрович Лобок проснулся, вернее проснулся наполовину. В нём жило две равноценные половины – сюжет сна и ясное осознание, где он находится. А находился он в своей постели, у себя в квартирке, хотя и двухкомнатной.

Отрывать от себя сон очень не хотелось, и он удерживал его, цепко прокручивая киноленту то вперёд, то назад, чтобы кадры запомнились.

А снилось ему вот что: он в постели, лежит на правом боку, голый и прижимается к нему девушка, такая тоненькая, свеженькая, грудь зрелая, упругая и удобная, поскольку поместилась в его растопыренной пригоршне по-хозяйски и с доверием, чего не скажешь о её хозяйке, повернувшейся к Григорию Петровичу спиной и прижавшись, даже вжавшись в его живот и грудь, а ягодицами просто оккупировала его пах. Ягодицы тоже были налитые и трепетные. Но дальше происходило странное – девушка не разрешала ему шевелиться, угрожая уйти, сообщая это словами, но не произ-

нося их. А шевелиться хотелось, очень хотелось тем более, что было чем – из него вырос крепчайший, нетерпеливый парламентар, и упёрся в упругие ягодицы соблазнительницы. Но она молчала и не реагировала, а продолжала мелкими движениями и словами, почему-то звучащими в голове Григория, давать понять – нет и нет.

Григорий неожиданно поймал себя на мысли, что это даже хорошо – силы на месте, демонстрируют себя отлично, доказывать о заявленном не надо, да и что будет потом, после проверки заявленного – весьма туманно, а вернее даже понятно – тоска объяснений в чувствах, выяснений социального положения Григория и назначение новой даты встречи, а может, что и посерьёзней, мол жить негде, работы нет, гложет поиск истинной любви. Неизвестно какие претензии ему выкатят. Такая срединная ситуация, нет, не патовая, так как шагов делать не хотелось, длилась и длилась, сколько неведомо – сны-то бывают глубокими и быстрыми, время там своё – неземное, хотя и очень земное. В общем – необъяснимо, но очень чувственно и хочется это длить и длить.

Однако, естественные потребности выведения их организма продуктов жизнедеятельности. А продукты прежде были вкусными и ароматными блюдами, подобранными Григорием с чувством любви к мраморному куску говядины, с солёными груздями и очень хорошим коньяком, догнавшим настоящий английский джин, прежде проложивший тропу к удовольствию.

Так вот, эти бывшие продукты не дали Григорию длить невероятный сон, и он проснулся, чтобы расстаться с ненужными отработанными ингредиентами. Что делать, сон не отпускает, держит цепко сознание, а встать надо, надо. Но, в таком случае, останутся только обрывки воспоминаний, а ощущение присутствия в том, что снилось исчезнет, пропадёт аромат состояния удовольствия и эта девушка, кожа которой ещё живёт на его коже, тоже исчезнет – просто катастрофа. Он вспомнил строчки какого-то блогера:

Едва проснувшаяся плоть —
Хвать телефон, чтоб чушь молоть,
Жуя вчерашний бутерброд,
Ладонью вытирая рот.
Когда я музыке внимаю —
Я никого не принимаю,
А если музыкой дышу —
Не предлагайте анашу.

– А это откуда прилетело, из какого сна? – подумал Григорий?

Может это из вчерашнего плавания в соцсети, где можно провалиться, как в болото и потом долго, вытаскивать себя, расчищая сознание.

– Нет, вспомнил Григорий, это не блогер написал, а старый знакомый, даже друг, Слизник Некрофилис, читавший вчера свои новые стихреники, как он их сам называл. То ли

грек, то ли прибалт, этот Слизник, то ли это псевдоним, с которым он так слился, что и в паспорте так написано, как он говорит. Но паспорта никто не видел. На День рождения, он подарил Григорию открытку, с изображением группового секса, с надписью —

Интимная связь —
Целебная грязь,
Не спеши под душ,
Даже, если ты — муж.

Раньше сказали бы — большой оригинал. Но сегодня уже нет, как нет того «раньше». А диктовал это ему внутренний голос, так он говорил. С внутренним голосом у Слизника была сильная секретная связь — шпионско-кураторская. Внутренний голос ему проговаривал не только рифмованные строчки, но и когда позвонить Татьяне, знакомой из соседнего дома и был прав. Татьяна ждала его звонка именно в эту минуту — призывала прийти и вкрутить лампочку, и они договаривались на вечер. Он приходил и вкручивал, иногда до утра. Иногда не до утра. Она его называла Электриком, имени его избегала, никогда не обращалась по имени. Конечно, Слизник читал ей свои опусы, ей нравился его эпатажный стиль, поскольку в своей офисной работе она была далека от таких образов, да ещё и таких трактовок. Это были очень проникновенные взаимоотношения, более, чем любовные — дружески-родственно-эротические, почти созвуч-

ные фамилии Слизнака Некрофилиса.

Григорий Петрович вытянулся, лёжа в постели, смачно вытянулся, напряг носки ног и пальцы рук до ощущения приближающейся судороги. Потом резко расслабился и по телу пробежали приятные змейки нервных импульсов. Взметнув ноги, Григорий встал на пол во весь рост, расправил плечи до хруста, глубоко вздохнул и выдохнул – он был готов начать новый день. Едва успев в ванной комнате совершить священнодействия не только с зубами, но и с мочевым пузырём, а также прямой кишкой кишечника, довольно тараща глаза, вытирая лицо мягким полотенцем, как дверной звонок взвизгнув, залился хриплым соловьиным клёкотом.

– Кого чёрт несёт в такую рань? – раздражённо пробурчал Григорий.

На пороге стоял Слизнак.

– Ты, что в такую рань? – взмолился Григорий.

– Рань? – удивился Слизнак, – посмотри на часы! – и поднёс к носу Григория свои огромные наручные часы, он любил очень большие неудобные наручные часы, на которых стрелки сошлись на цифре 12.

Григорий остыл.

– Жизнь, так быстро пробежала, нам оставив боли жало. – произнёс Слизнак.

– А точнее, пролетела сквозь дряхлеющее тело. – продолжил Григорий строчки, совместно сочинённые ещё в убежавшей юности. У него была последняя история, поставившая

точку в его угасающем романтизме: на работе, ему было тогда чуть более двадцати лет отроду, завертелась интимная связь с сотрудницей, которая была немного старше и замужем. Он долго сомневался, чтобы начать отношения. Но молодая женщина предложила, казалось бы, удивительно безопасный вариант – в обеденный перерыв убегать к ней домой, она жила в стоящем рядом доме, а муж был буквально привязан к производству, где он был небольшим начальником, на которого большие начальники, старались взваливать задачи, проблемы и неудачи свои и общие. Так всё завертелось и так было весело – нужно было быстро раздеться, чтобы успеть нарадоваться друг другом до окончания перерыва. И поэтому всякие разговоры-переговоры исключались, было легко и весьма содержательно, несколько месяцев эмоционального грешного фейерверка. Но! Взорвалось «но», – это господин случай дал о себе знать да так, что Григорий и сотрудница были ошеломлены в итоге. В один из таких перерывов, уже перед необходимостью возвращаться на рабочие места, в двери зашевелился замок, послышались мужские голоса в прихожей, деловито что-то обсуждавшие, были слышны обрывки фраз: «Материал должен быть упругим, водостойким...» и прочее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.